

На горизонте уже забрезжил первый рассвет, небо стало серебристым, как рыбье брюхо. В деревне Линшуй медленно поднимался утренний дымок из труб: в некоторых домах уже вовсю готовили завтрак. Узкие деревенские тропы, укутанные в лёгкую дымку, начали оживать: там-сям мелькали одинокие фигуры с корзинами за спиной, спеша в город на рынок.

Старик, управлявший ослиной повозкой, лениво покуривал трубку, сидя, привалившись к сиденью. Женщина с ребёнком на руках вполголоса болтала с соседкой, изредка оборачиваясь и торопя:

— Дядюшка Ли, уже поздно, если не поедem сейчас, к утренней ярмарке точно не успеем.

Старик Ли лениво скосил на неё взгляд, затянулся и неторопливо проговорил:

— Как все усядутся, тогда и тронемся.

Поездка на ослике стоила два вэня с носа, а каждый лишний пассажир означал ещё два медяка в карман. До последней минуты он не сдвинется с места, выжидая, как заправский торговец.

Женщина с ребёнком недовольно скривила губы и, наклонившись к соседке с корзиной яиц, пробормотала:

— Да тут уже впору жалеть не нас, а бедного осла. Чего добру зря ждать, он и так под завязку забит.

Та спешно приложила палец к губам и кинула на неё предостерегающий взгляд:

— Потихе, ещё услышит!

Не зря женщина так переполошилась. Чтобы попасть в уездный город, приходилось либо топтать пешком целый час, либо ловить ослиную повозку старика Ли, либо, если сильно повезёт, напроситься на бычью телегу старосты деревни. Впрочем, надеяться на это можно было разве что по большим праздникам - староста берег свою скотину пуше глаз, лишний раз из хлева не выведет.

Если же обидеть старика Ли и попасть в его чёрный список, то придётся навсегда забыть об ослиной повозке. А если вдруг экстренно понадобится доехать до города, остаётся только в ноги бросаться с мольбами.

Женщина с ребёнком спешно прикрыла рот рукой и украдкой взглянула на лицо старика Ли. Убедившись, что тот не изменился в лице, с облегчением выдохнула.

— Простите, вчера Жун-эр допоздна готовился к экзамену, потому с утра немного зазевались,

— с доброй улыбкой проговорила ещё одна женщина, уже тщательно приведённая в порядок. В отличие от других деревенских жительниц, она была одета хоть и в обыкновенное, но куда более яркое синее платье, в волосы была воткнута серебряная шпилька. С головы до ног выглядела она ухоженной и опрятной.

Рядом с ней стоял юноша лет четырнадцати-пятнадцати, одетый как настоящий учёный. Щёки у него были округлыми, телосложение полным, с первого взгляда было ясно: дитя росло не зная нужды.

Увидев, кто именно подошёл, раздражение на лицах деревенских женщин тут же улетучилось. Все знали — младший сын Чжао Сюэцзюань, Хо Чанжун, учится в уездной школе, а значит, вполне может однажды стать цзюйжэнем, уважаемым чиновником. Все втайне надеялись, что он пробьётся в люди и возвратится домой в шелках да славе.

Толпа засуетилась, каждый норовил подвинуться, освобождая как можно больше места и наперебой зазывая мать с сыном поскорее садиться.

— Да что нам, подождём. Какое у нас дело до времени, не то что у Чанжуна, у него куда важнее дела.

— Ага-ага, весь вечер зубрил, а с утра снова спешит в частную школу. Кто тут не скажет, что парень трудолюбив и усерден!

Хо Чанжун приосанился, чуть задрал подбородок, с видом снисходительного достоинства слушая похвалы.

— Это всего лишь долг ученика, — высокомерно заметил он. — Вряд ли кто-то не способен на такое.

— Эх, Чанжун, да ты прямо скромность сама! Вот мой Дунцзы только из школы, сразу в поле, и книжку в жизни толком не держал, — вздохнула женщина с младенцем на руках. — Деньги на обучение псу под хвост! Пусть доучит этот месяц, а там домой, к сохе и мотыге! — Она хлопнула себя по бедру в раздражении, от чего грудничок в её руках перепугался и разревелся. Женщина поспешно начала укачивать его и мягко похлопывать по спинке, пытаясь успокоить.

Чжао Сюэцзюань, с гордостью смотрела, как её младший сын уверенно рассуждает, принимая похвалы и внимание со всех сторон. Глаза её сияли, наполненные неизбывной материнской гордостью.

— Жун-эр, поешь немного нефритового пирожного, — ласково сказала она, раскрывая носовой платок. Внутри аккуратно лежало несколько изумрудно-зелёных кусочков с тонкой резьбой по поверхности, больше похожие на драгоценности, чем на еду. Такие пирожные и правда жалко было есть.

Сладковатый аромат тут же распространился по воздуху. У окружающих заурчало в животах - с самого утра ещё никто не ел ни крошки. Даже грубые, закалённые тяжёлой работой крестьяне почувствовали, как щеки заливает жар, а уж дети и вовсе потеряли всякий стыд, у одного из малышей слюна заструилась по подбородку, а глаза жадно уставились на пирожные, не мигая.

Хо Чанжун с насмешкой приподнял уголок губ и под взглядом десятка голодных глаз неторопливо взял одну штучку, положил в рот и стал жевать с важным видом. Рядом затрепетал голосок:

— Брат Жун, вкусно?

Хо Чанжун нарочито равнодушно отмахнулся:

— Так, ничего особенного.

— Тьфу ты! — вдруг громко раздалось сбоку. — Пирожные за двадцать взней, и «ничего особенного»? Тебе что, еду только из императорской кухни подавай? Кто ж прокормит такую растрату в доме, разорение одно, а не ребёнок!

Старик Ли больше не мог сдерживаться и смачно сплюнул, выругавшись сквозь зубы. Он прожил на свете семьдесят с лишним лет, а таких дорогих сладостей, как у этого выскочки, и в глаза не видывал.

Неожиданная брань напугала Хо Чанжуна, он втянул голову в плечи, как черепаха. Улыбка на лице Чжао Сюэцзюань застыла, будто ее окатили холодной водой. Наступила гнетущая пауза, и ни у кого не находилось слов, чтобы разрядить обстановку.

В этот момент из утреннего тумана вынырнула повозка, запряжённая быком, и остановилась перед ними. Мужской голос, хриловатый и сухой, прозвучал как команда:

— Старик, вы из деревни Линшуй?

Старик Ли глубоко затянулся трубкой, прищурился. Перед ними стоял мужчина, в крепкой, коренастой фигуре которого чувствовалась выучка. Открытые предплечья были жилистыми и загрубевшими от постоянного труда, широкие ладони покрыты старыми мозолями. Что лежало на телеге, разглядеть было сложно, всё было накрыто чёрным брезентом.

Старик метнул взгляд на свою повозку, полную женщин, стариков и детей. Молодые мужчины редко тратили деньги на проезд, предпочитали идти пешком. Этот же, судя по всему, был не просто крестьянин. В нём ощущалась тяжесть и угроза, порой встречающаяся у военных или... людей, много повидавших. Простой народ вроде них с такими лучше не связываться.

— А ты кто такой, чтоб тебе докладываться? — подал вдруг голос Хо Чанжун, нарушая

напряжённую тишину. Он с важностью спрыгнул с повозки, выпятил грудь и с пафосом заявил:
— Я человек с учёной степенью! Посмеешь мне нагрубить — пожалеешь!

У Чжао Сюцзюань потемнело в глазах, колени подкосились, словно стали варёной лапшой. Она пошатываясь бросилась вперёд, схватила Хо Чанжуна и оттащила назад. Её голос дрожал от страха, с её сыночком не должно было случиться ни малейшей беды:

— Перестань нести чушь! Какое ещё звание? Ты ж даже экзамен на туншэна не сдал!

Мужчина на повозке слегка опешил, осознав, что его, вероятно, приняли за разбойника. Спокойно пояснил:

— Я по поручению привёз одного человека в деревню Линшуй, в дом Хо Юндуна.

Все взгляды молниеносно обернулись к Чжао Сюцзюань.

— Сюцзюань, тебя ищут, — наперебой заговорили соседи.

Женщина растерялась, брови сдвинулись, во взгляде полное недоумение. Слова вырвались сами собой:

— Кто... кто такой?

Мужчина на телеге, кажется, и сам не ожидал такого совпадения. Он молча обернулся, протянул руку и приподнял чёрное покрывало.

Утренний туман начал рассеиваться, сквозь облака пробился солнечный свет и залил землю мягким золотистым сиянием. Это сияние легло на лицо лежащего в повозке мужчины — бледное, измождённое, и всё же под лучами казалось, будто в нём теплится слабая, едва заметная искра жизни.

Его щёки ввалились, под глазами пролегли густые синяки, губы побелели и потрескались, лицо перепачкано - земля и кровь слиплись в грязную корку, и уже невозможно было разобрать, где рана, а где просто грязь. Одежда на нём представляла собой изодранные в клочья тряпки, пропитанные засохшей, почерневшей и побагровевшей кровью. И всё же, несмотря на такое плачевное состояние, несмотря на то, что дыхание его было едва уловимым, в чертах лица всё ещё легко угадывалась редкая, броская красота.

Генералы гибнут в сотне битв, храбрецы возвращаются лишь через десять лет.*

(ПП: Перевод стихотворной строки из «Старых песен» (□□) — традиционной китайской поэзии.)

Прошло десять лет. Чжао Сюцзюань думала, что давно уже забыла лицо этого ребёнка. Что даже если он вернётся, она не узнает. Но стоило ей взглянуть лишь один раз, и всё стало ясно. Узнала сразу.

Она задрожала, будто листва, срываемая осенним ветром. Ноги сами собой отступили назад, будто земля ускользала из-под подошв.

Глаза Чжао Сюцзюань налились кровью. Она смотрела на мужчину, лежащего на повозке, а зубы в ярости и боли впивались во внутреннюю сторону щёки, разрывая нежную плоть до крови.

— Мама?.. Что с тобой? — Хо Чанжун, заметив, как изменилось лицо матери, встревоженно дёрнул её за рукав.

Чжао Сюцзюань внезапно схватила сына за руку, будто в ней разыгралась последняя искра надежды, и с такой силой, что даже Хо Чанжун, никогда в жизни не знавший настоящей боли, ощутил резкую, пронизывающую боль. Пальцы его матери вонзились в его мягкую кожу, и он чуть не вскрикнул. Но в следующий миг она прижала его к себе так крепко, что он явственно почувствовал, как всё её тело дрожит.

— Ма... — не успел он договорить.

— Это кто? — слышались сзади обеспокоенные голоса. — Сюцзюань, что с тобой?

Сельчане начали перешёптываться, наблюдая за происходящим, не осмеливаясь подойти ближе. Мужчина на телеге весь в крови - страшное зрелище само по себе, а тут ещё и Чжао Сюцзюань ведёт себя так, будто наваждение на неё нашло.

Старик Ли с выражением тревоги на своём сморщенном, как мандариновая кожура, лице сделал два шага вперёд, взгляделся в бледное, измождённое лицо лежащего и вдруг с громким выдохом выдернул изо рта свою курительную трубку:

— Далан!

— Это же Хо-далан, разве нет!?

— Что?!

— Хо-далан? Разве он не умер!?

— Ай! Да вы только всмотритесь - и правда он!

(ПП: далан - старший сын)

— Сюцзюань! Сюцзюань! Твой старший сын жив! Живой! Скорей в клинику, его срочно нужно к лекарю!

Чжао Сюцзюань словно окаменела, шагала, как сомнамбула, без осознания, будто душа её осталась где-то позади. Толпа односельчан обступила повозку, всем миром они отправились в уездный город, в лучший медицинский пункт, чтобы спасти Хо-далана.

Хо Чанжун, направлявшийся в школу, так и остался стоять на месте, растерянно глядя вслед, уставившись на этого окровавленного, вонючего, в грязи и рубищах мужчину.

— Ма... он... он и правда мой брат?..

Тело Хо-далана было покрыто множеством порезов и ран разной глубины, а ещё сломана нога. Лекарь, осмотрев его, сжал губы и покачал головой: одно только лечение ноги обойдётся в сотню лян серебра, и то без гарантии, что он когда-нибудь вновь сможет ходить, как прежде.

Семья Хо была обычной крестьянской. Откуда им взять такие деньги?

Чжао Сюцзюань, не колеблясь ни секунды, попросила лекаря выдать снадобья и перевязочные материалы, и, благодаря помощи односельчан, с огромным трудом доставила сына обратно в деревню. Перед уходом, как обычно, она вложила в руку Хо Чанжуну маленький мешочек с деньгами:

— Экономь, сынок. Хорошо учись. Я только на тебя надеюсь...

Хо Чанжун, пусть ещё и ребёнок, но всё понял без слов. Он ясно увидел, как именно мать смотрит на этого так называемого старшего брата, увидел, чего в её взгляде нет. Её сердце всё ещё принадлежит ему одному. Значит, никто не отнимет у него её любви.

Он наконец-то успокоился.

В тот же день в деревне происходило ещё одно шумное и примечательное событие.

Семейство Чжан справляло свадьбу. Надо сказать, баловали они своего сына не в меру: трижды женили Чжан Баошуня, и каждый раз устраивали пышное свадебное угощение. Без приличного запаса серебра на такое, конечно, не решиться.

Но дом давно уже разорён до нитки: Чжан Баошунь — человек порочный до основания, пороки его можно было перечислять по пальцам обеих рук, и каждый губительный. Однако, как ни странно, в семье его боготворили. Не только мать с отцом души в нём не чаяли, даже его тётка,

старшая сестра матери, была готова высосать всю кровь из родных, лишь бы угодить любимому племяннику. У него ещё и старшая сестра имелась, выданная замуж в город. Муж её занимался торговлей, а все семейные средства, как водится, контролировала она. Так вот, раз за разом, она переправляла деньги в родной дом, спасая отца с матерью от нищеты.

На деревенских свадьбах, как повелось, все помогают всем: соседи приносят посуду, скамейки, столы, приходят помочь с готовкой, кто чем может. Но семью Чжан в деревне не жаловали. Стоило им с кем-то связаться - жди беды. Сёстры Чжао, выданные замуж в один и тот же посёлок, нарочно поселились по соседству. Вместе они представляли собой гремучую смесь: стоило им начать скандал, никому их не одолеть. Обе жадные до мелочей: то яблоко стащат, то финик с чужого дерева, и уж будут счастливы, будто клад нашли.

Таких людей, как семья Чжан, односельчане, разумеется, старались обходить десятой дорогой, но, как-никак, все жили в одной деревне, полностью игнорировать друг друга не получалось. Вот и сегодня, на третью свадьбу Чжан Баошуня, особенно те, чьи дома находились поблизости, были вынуждены, хотя бы из вежливости, зайти да сказать: «Поздравляем».

Ещё не рассвело, когда Лин Си в полусне почувствовал, как кто-то развязывает его верёвки. Он приоткрыл глаза — та самая женщина, что до этого приносила ему еду, молча положила на край кровати красную одежду и обувь, потом показала пальцем на наряд, затем на него самого, явно давая понять, что он должен это надеть.

Когда женщина ушла, Лин Си увидел, что помимо алых одежд, на столе стоит таз с водой. Спустя столько дней о нём наконец-то вспомнили и разрешили умыться и переодеться.

Он перевёл взгляд на красно-алый наряд: тут не ошибиться — свадебный костюм. Хоть и бледноватого оттенка, пошив самый простой, ни одной вышивки, даже цветка нет, но, судя по местным обычаям, сомнений быть не могло, его собирались женить.

Снаружи всё громче раздавались голоса, деревня постепенно просыпалась. Лин Си умылся, сменил одежду, сел на край кровати и почувствовал, как температура его тела медленно ползёт вверх, будто изнутри его наполняет закипающая вода.

У нового человека кожа грубая, а плоть крепкая, подобный жар сам по себе не причинял Лин Си серьёзного вреда. Проблема была в другом: он становился легковоспламенимым и взрывоопасным, его тянуло ко сну, но в теле бурлила угрожающая сила, которую он едва удерживал.

Сколько продлится эта «закуска» перед настоящей горячкой? — Лин Си до боли в висках пытался вспомнить всё, что знал. Но, увы, когда преподавались эти темы, он либо сбегал с занятий, чтобы подрабатывать в лаборатории подопытным, либо, что ещё хуже, сидел прямо под носом у учителя и с увлечением штудировал рецепты блюд.

Три дня? Пять? Целая неделя?

Пусть бы никогда не наступила, это был единственный ответ, которого он желал.

— Ху-у... — Лин Си выдохнул сквозь зубы, ощущая, что в его ладони можно яйца жарить.

Он дёрнул ворот одежды, стараясь подавить хищную ярость, стремительно нараставшую в груди. В эти мгновения он был словно хищник, остервенелый, безжалостный, рвущийся наружу. Хотелось вырваться из клетки, вцепиться в глотку первому, кто встанет на пути, и перекусить её без раздумий.

— Аййй, да у нашего гера нынче день важный, как же ты всё ещё в постели валяешься? — с жеманным укором проговорила полная женщина с красным цветком в волосах, приближаясь к Лин Си.

Вслед за ней в комнату вошла Чжао Дунчжи, уже открыв рот, чтобы привычно отругать новоявленную «невестку», но прежде чем успела вымолвить хоть слово, из-за спины раздался пронзительный вопль — сваха с криком отшатнулась и, запнувшись, рухнула прямо на пол.

Несмотря на то что её лицо было тщательно припудрено и намазано праздничными румянами, краска мигом сошла, оставив лишь пепельно-серый, смертельно испуганный оттенок. Женщина дрожала всем телом, будто увидела нечто поистине чудовищное.

Она только что дотронулась до лежавшего на кровати молодого господина, и тот... повернул к ней голову. Его глаза не принадлежали человеку. Это был не взгляд, а хищный прицел зверя, и от него по позвоночнику прокатилась ледяная дрожь.

И... и ещё...

Сваха в ужасе подняла руку, которой коснулась его плеча. Ладонь багровела, как обожжённая, кожа пульсировала болью. Если бы она не знала, что прикоснулась к человеку, то поклялась бы, что сунула руку в раскалённую печь.

Человеческое тело просто не может быть таким горячим... и выжить.

— Ч-ЧУДОВИЩЕ!!! — завопила она.

Смертельно бледная сваха, почти теряя сознание, в панике поползла к выходу, спотыкаясь и кувыркаясь, как ошпаренная.

Шум в комнате был слишком громким, чтобы остаться незамеченным. А в деревне, как известно, тайн не бывает, слухи разлетаются быстрее ветра. Узнав о случившемся, деревенский староста собрал травника, лекаря и уважаемых старейшин, чтобы вместе обсудить, что делать с этим делом.

— Такой странной болезни я за всю жизнь не встречал, — покачал головой травник, поглаживая бороду.

Один из старейшин, седовласый и морщинистый, нахмурился, будто о чём-то вспомнил:

— Я слышал от своего отца, что ещё в его детстве в деревне кто-то подхватил заразу и всё тело у того горело от жара...

В комнате воцарилась гнетущая тишина, звенящая, как перед бурей. Если это эпидемия, то чем это обычно заканчивается? Смертью всей деревни. Даже весь город может вымереть.

— Н-нет, не может быть... может, это просто какая-то редкая болезнь... — другой старик судорожно прижал руку к бурно колотящемуся сердцу, пытаясь успокоиться.

Спустя полчаса, на лицах старосты и сопровождающих его людей отразилась мрачная решимость, они наконец вышли к собравшимся деревенским.

Озвучили приговор: кто бы ни был этот чужак, кем бы ни был тот странный "молодой господин", его нельзя оставлять в деревне. Болезнь, которой он страдает, может погубить всех. Рисковать жизнью целого села нельзя. Теперь остаётся лишь молиться небесам, чтобы зараза ещё не успела распространиться.

— Чанъань, Чаншэн, Уцзы, Дайюн, — староста начал отдавать распоряжения твёрдым голосом, — вы молодые, сильные, берите с собой всё, что нужно. Старик У, ты и твои люди бывалые в горах, проследите за молодёжью. Чем быстрее оттащите его вглубь гор, тем лучше.

Раздав все указания, староста повернулся к семье Чжан, лицо стало суровым и бескомпромиссным:

— Те из вас, кто контактировал с тем гером, теперь не имеют права покидать дом. Еду вам доставим.

— Что это значит!? Староста, ты хочешь, чтобы вся наша семья подохла?! — закатила истерику Чжао Дунчжи, неистово колотя в дверь.

Чжан Баошунь с яростью оттолкнул мать, выскочил наружу и взревел так, что, казалось, оглушил всю деревню:

— Отдайте мне моего суженого! Я даже не успел его трахнуть!

И впрямь похоть затмила ему разум.

- Эх, молодой ведь совсем, да вот подхватил такую пакость... Жаль, жалко... Пусть в следующей жизни повезёт с рождением, — вздохнул старик У, прижимая ладонь к слоям соломы и чувствуя сквозь неё лихорадочную жару, исходящую от юноши. Дома у него тоже был почти ровесник — оттого сердце не позволяло бросить мальчишку, как бревно. Он негромко велел остальным: - Аккуратнее, полегче с ним.

- Пора уходить. Скоро стемнеет, — один из мужчин вскинул голову к небу и с хрипотцой поторопил остальных.

Они спешили как могли, но когда добрались до глубин лесных гор и опустили тело в неглубокую яму, небо уже почернело. В ночных горах зверья водится немало, и даже взрослым мужикам было тревожно. Старик У накиннул сверху соломенный настил, зная, что оставляет молодого гера на верную погибель. Вряд ли этот хрупкий «молодой господин» доживёт до восхода. Дикий зверь уж точно не откажется от столь лёгкой добычи.

- Пошли, — тихо бросил он и первым зашагал вниз, высоко подняв факел.

Пляшущий огонь всё дальше и дальше отдалялся, пока, наконец, совсем не исчез, и тьма вновь окутала лес. Листва шептала под ветром, будто ведя зловещие тайны, и только луна молча всплыла над кронами деревьев, осветив покинутый холм.

Одна за другой вспыхнули пары тускло-зелёных огоньков, бесшумно приближаясь, становясь всё больше, теснее, гуще.

- Ау-у-у...

Вой волков прорезал ночную тишину, один за другим подхватывали его другие голоса — протяжные, резкие, будто желающие разорвать самую темень.

Пух. Что-то с шорохом упало с дерева и угодило прямо на грудь Лин Си. Он поднял находку, подставил под лунный свет. Светло-розовое, с легким пушком, едва уловимо источающее сладко-кислый аромат.

Глаза Лин Си вмиг засияли ярче лампы. Он даже не стал мыть находку, просто вонзился в неё зубами. Хрусть! Сок брызнул во все стороны, вкус — кисленький, сладкий, хрустящий, до мурашек освежающий.

Настоящий персик!

С легкой улыбкой на губах Лин Си откинулся обратно в траву, уютно устроившись в яме, словно на перине. Несколько пушистых волчьих морд приблизились, склонившись над ним и с интересом наблюдая сверху вниз.

<http://bllate.org/book/13580/1204845>